

Павлова Е.В.

ПУТЬ К СИНТЕЗУ РОМАНТИЧЕСКИХ И РЕАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В РОМАНЕ ГЕРМАНА МЕЛВИЛЛА “РЕДБЕРН”

Первый этап творчества Германа Мелвилла (до 1850 года) приходится на период расцвета американского романтизма. Морской роман в этот период приобретает новое качество, так как американские романтики, в силу сложившихся экономических и социальных факторов, осознают в полной мере дифференциацию американского общества. На смену идеализированным представлениям приходит реальная оценка событий. Выражая протест против социальной несправедливости, Г. Мелвилл, как и Н. Готорн, стремился разрешить в своих произведениях такие серьезные проблемы, как внутренний конфликт человека, раздвоение и изоляция личности, поиск второго “я”, глубокое разочарование в жестокостью действительности. Для Мелвилла не менее важной была проблема взаимоотношения человека и общества. Его четвертый роман “Редберн” – самый сильный по содержанию из ранних произведений, так как в нем начинают проявляться реалистические тенденции, которые уже были в то время развиты европейскими романтиками. Именно в этом романе у Мелвилла особенно остро звучит социальная тематика. Именно в “Редберне” зреют прообразы героев “Моби Дика” (Измаила и Ахава), приобретает глобальные масштабы проблема добра и зла, совершенствуются психологические портреты, формируется и оттачивается стиль писателя, происходят поиски новой жанровой модификации – синтетического романа. В связи с этим, на наш взгляд, актуальной задачей является анализ “Редберна” с точки зрения философии, истории, психологии, социологии и стилистики.

В данной работе осуществляется новый подход к определению жанровой модификации “Редберна”. Роман рассматривается как синтетическая форма: приключенческий по форме и социально-психологический по содержанию с элементами реалистического бытописания. Проблемы идентичности личности, философии двойного сознания, сочетания мифологического и рационального мышления рассматривались нами ранееⁱ. Остановимся более подробно на социальных проблемах.

Отметим, что роман до сих пор еще не переведен на русский язык, фундаментального исследования данного произведения в русском и украинском литературоведении не существует.

Вероятно, недостаточное внимание литературоведов к этому произведению объясняется прежде всего тем отношением самого Мелвилла к роману, которое он выразил в своих письмах и дневниках: “this trash”, “job”, “beggarly Redburn”, “written to buy some tobacco with”ⁱⁱ – “эта халтура”, “просто работа”, “жалкий Редберн”, “написанный из-за денег” (досл. “чтобы купить табачок”)ⁱⁱⁱ. Так безжалостно, с горечью и сарказмом отзывается автор о своем “детище”.

Так ли это на самом деле? Действительно ли “Редберн” – “ничтожное” произведение, или все же это значимый роман в творчестве писателя? Какую роль он играет в формировании философского и религиозного мировоззрения Г. Мелвилла, его стиля, и насколько он отражает жизненное кредо писателя? Перед нами – ряд проблем, которые нелегко разрешить. Сложность, прежде всего, состоит в противоречивом отношении к роману самого автора. С одной стороны, оно внешне пренебрежительное, с другой – положительное. Доказательством этого факта служит письмо Мелвилла от шестого октября 1849 г. своему тестю – Л. Шоу^{iv}. Оно было написано перед путешествием в Европу, когда “Редберн” уже был издан в Лондоне (29 сентября 1849 г.). По причине материальных затруднений Мелвилл не смог издать роман на родине. С помощью влиятельного родственника он был издан сначала в Лондоне, а затем, 15 (16) ноября, - в Америке.

В вышеупомянутом письме Мелвилл не предвидел, что “Редберна” восторженно примут современные ему критики и публика. Тем не менее, автор высказывал скромное предположение, что книга может быть воспринята как “довольно сносное, приличное развлечение” (“a tolerable entertainment”)^v.

За четыре месяца Мелвилл написал два морских романа: “Редберн” и “Белый бушлат”. Когда он начинал писать, то был решительно настроен, скорее оптимистически, а не отчаялся, как утверждали некоторые критики (например, М. Боуэн^{vi}), после негативного восприятия своего третьего романа, “Марди”, который был очень дорог писателю. Мелвилл интенсивно и энергично трудился, каждый день, с конца весны 1849 г. до начала лета, и завершил “Редберна” за рекордное время – менее десяти недель. Для того чтобы поправить свое материальное положение в те дни, Мелвилл должен был написать, во-первых, быстро; во-вторых, такое произведение, которое имело бы гарантированный коммерческий успех; и, в-третьих, удовлетворяло бы любой читательский вкус.

По этим причинам писателю пришлось следовать некоторым общепринятым стандартам и вернуться от аллегии на почву твердых фактов. Мелвилл избрал ретроспективную форму повествования. Рассказ Редберна – это история воспоминаний главного героя, прошедшего нелегкую жизненную школу и утратившего юношеские иллюзии в результате приобретения жизненного опыта. Пройденный Редберном путь от юнги до зрелого моряка – это не только путь познания окружающего мира, но и познания собственного “я”.

Неудовлетворенность ограничением во времени и давлением обстоятельств оставили горький осадок в душе писателя и, пожалуй, породили неприязненное и вместе с тем противоречивое отношение к “Редберну”. Следует отметить, что Мелвилл был очень строгим критиком в отношении своих произведений. Кроме того, он обладал чувством юмора и нередко саркастически высказывался о своих романах. Например, в вышеупомянутом письме Мелвилл критически замечает по поводу написания им “Редберна” и “Белого бушлата”: “But no reputation that is gratifying to me, can possibly be achieved by either of these books. They are two jobs, which I have done for money – being forced to it, as other men are sawing wood”^{vii}. – “Ни та, ни другая книги не принесут мне репутации, какой я желал бы. Обе они – просто очередная работа, которую я сделал для денег, потому что был вынужден к этому обстоятельствами. Я писал их, как другие люди занимаются, например, пилкой дров”.

Ошибка большинства литературных критиков состоит в том, что они воспринимают слова Мелвилла в буквальном смысле, ссылаются всерьез на его шуточные замечания и, таким образом, умаляют художественные достоинства произведений, не вникая в их философский и психологический подтекст. Более тщательное исследование позволяет обнаружить, что в действительности для Мелвилла это была не просто усердная работа, а творческий процесс, способ самовыражения: “...yet in writing these two books, I have not repressed myself much – so far as they are concerned; but have spoken pretty much as I feel.”^{viii} – “... работая над этими двумя книгами [“Редберном” и “Белым бушлатом”], я не подавлял себя, а писал именно то, что чувствовал и думал”.

Мелвилл явно недооценивал значение и достоинства созданной им книги. Пусть он писал роман в спешке, под давлением обстоятельств и ограничений, но ведь чувства и мысли писателя нельзя подменить, они формировались долгое время и явились результатом богатого жизненного и литературного опыта автора. Кроме того, вряд ли изображение ливерпульских трущоб соответствовало вкусам читателей и обладало для них привлекательностью.

“Редберн” был написан после холодного восприятия читателями третьего романа писателя. Критики считали “Марди” “вздорной рапсодией”, “дурной и дикой” книгой (“rubbishing rhapsody”, “wild and foolish”). Находясь все еще под впечатлением экзотики “Тайпи” и “Ому”, читатели не смогли понять аллегорических образов и философских размышлений автора. А ведь Мелвилл столько души вложил в это произведение, столько времени потратил (четыренадцать месяцев - в два раза больше, чем на “Редберна” и “Белого бушлата” вместе взятых) и столько дал материала для размышления! Читатели и критики не смогли расшифровать скрытые за маской аллегии авторские идеи и замыслы, имеющие философский и социальный подтекст: поиски идеала человечества, совершенного, демократического общества, свободы личности. Не понят был и художественный метод Мелвилла в “Марди” – опыт синтеза аллегии и гротеска с реальной действительностью, метод, заимствованный у Свифта и Рабле, а также выработанный под влиянием таких романтиков, как Колридж и Байрон. Мелвилл сильно переживал свою неудачу, ему снова пришлось создавать произведение развлекательного характера, причем в ограниченные сроки. Горечь и обида от невозможности реализовать свои идеи и замыслы в “Редберне” обрушились на сам роман: “trash”, “wrote [it] to buy some tobacco with” (“халтура”, “написанный из-за денег”), - бичует автор “Редберна”^{ix}. Кроме того, во время поездки в Англию Мелвилл сближается с английскими литераторами, его захватывает философия Гегеля и Канта, очаровывает поэзия Шелли, он находит много познавательного и интересного в философии Артура Шопенгауэра. У

Мелвилла появляется масса новых впечатлений и замыслов, на фоне которых “Редберн” выглядит просто “убого” (“beggarly”).

В ответ на восторженный отклик Ричарда Даны на этот роман, Мелвилл лишь скромно противопоставил “Редберна” “агрессивной военной книге” (“Белому Бушлату”), и все же снисходительно, и даже, пожалуй, с любовью назвал “Редберна” своей “маленькой детской историей”^x.

Герман Мелвилл горел желанием найти своего читателя, довести до его сознания все то, что зрело в его голове, и именно так, чтобы его поняли и разделили его точку зрения. Но писателя оттолкнули, критики давали советы, что надо писать и каким образом. От него требовали понятности, а не образности и иносказательности; публике нужен был увлекательный сюжет, захватывающие приключения, а не философские размышления.

В последние годы в зарубежном литературоведении появилась вполне обоснованная точка зрения, что Мелвилл впервые начал изображать трагическое именно в “Редберне”. Более тщательный анализ произведения с точки зрения философии, социологии, психологии и стилистики позволяет сделать вывод, что “Редберн” является важным связующим звеном между “Марди” и “Моби Диком”. Эта связь очевидна:

- 1) в прообразах героев (Редберн – будущий Измаил, Джексон – Ахав);
- 2) в общей тематике (проблема добра и зла, развитие демонической темы, темы грехопадения и человеческой изоляции, познание себя и двойственность сознания, социальная проблематика);
- 3) в трагичном изображении реальной жизни;
- 4) в сходстве жанра (стремление сочетать миф и реальность, формирование синтетического романа с элементами психоанализа и реалистического бытописания на фоне приключенческого сюжета);
- 5) в сходстве стиля (сочетание публицистического стиля с “джентльменским” и поэтическим).

Несомненным достоинством “Редберна” является реалистичное изображение Мелвиллом ливерпульских трущоб. Это, безусловно, кульминационный момент в романе. Писатель правдиво отобразил бедственное положение низших слоев общества. Подобное реалистичное описание страданий и нищеты народа скорее характерно для писателей-реалистов, чем романтиков. опередив свою эпоху, оставаясь внешне романтиком, Мелвилл доказал, что он – писатель социального плана. Изобличению социальных пороков писатель отводит значительное место в романе. “Редберн” был написан после демократической революции, потрясшей не только Францию, но и всю Европу. И на Мелвилла, как и на каждого прогрессивно мыслящего писателя, эта революция наложила свой отпечаток: он четко стал осознавать, что мир разделен на классы. Эта мысль не давала ему покоя и была отражена Мелвиллом во многих произведениях. Например, в “Редберне”, выступая в защиту обездоленных моряков, писатель изложил свою классовую философию: “There are classes of men in the world, who bear the same relation to society at large, that the wheels do to a coach: and are just as indispensable. But however easy and delectable the springs upon which the insiders pleasantly vibrate: however sumptuous the hammer-cloth, and glossy the door-panels; yet, for all this, the wheels must steel revolve in dusty, or muddy revolutions. No contrivance, no sagacity can lift them out of the mire, for upon something the coach must be bottomed; on something the insiders must roll”^{xi}. – (“В мире есть классы людей, которые выполняют в полной мере такую же функцию, как колеса в экипаже, и, таким образом, являются незаменимыми. Но как бы ни были удобны и восхитительны рессоры, на которых пассажиры приятно покачиваются, как бы ни были роскошны чехлы и гладки дверные панели, несмотря на все это, колеса должны все-таки ехать по пыли и грязи. Никакое изобретение и никакая смекалка не могут вытащить их из грязи, так как должен же на чем-то держаться экипаж, должны же на чем-то ехать пассажиры”).

Сравнение народных масс, в частности, моряков, с колесами, движущими экипаж, основывается на полисемичном слове “revolution”. Одно из значений данного существительного – “вращение”, другое – “революция”. Для колес экипажа соответствует значение “вращение”, а классы, о которых ведет речь Г. Мелвилл, ассоциируются со

значением “революция”. С горькой иронией писатель выразил основные функции и роль не только моряков, но и всего рабочего класса. По словам Мелвилла, низшие классы людей являются движущим колесом истории, и им суждено выполнять “грязную” работу – нести на своих плечах бремя тяжелого труда и свершать революции.

Продолжая мысль о том, что моряки являются отбросами общества, и сочувствуя им, Мелвилл пишет: “... consider that they are generally friendless and alone in the world; ... consider that after the rigorous discipline, hardships, dangers, and privations of a voyage, they are set adrift in a foreign port, and exposed to a thousand enticements...; consider that by their very vocation they are shunned by the better classes of people, and cut off from all access to respectable and improving society; consider all this, and reflecting mind must very soon perceive that the case of sailors, as a class, is not a very promising one.”^{xii} – (“Подумайте только, что они большей частью одиноки и не имеют друзей в этом мире; ... подумайте о том, что после строгой дисциплины, лишений, опасностей и нужды во время путешествия, они оставлены на произвол судьбы в чужеземном порту и подвержены тысячам соблазнов, которым, при определенных обстоятельствах, было бы трудно противостоять самой добродетели...; подумайте, что только из-за профессии их избегают высшие классы людей, и им нет доступа к респектабельному и более совершенному обществу; вдумываясь во все это, любой здравомыслящий человек очень быстро поймет, что перспективы моряков, как класса, не очень-то велики”).

Мелвилл пытается найти выход из создавшегося положения, но его ответ звучит, на первый взгляд, пессимистично. Выход из создавшегося положения видится ему в изменении моральных устоев общества и всей цивилизации в целом: “But can sailors, one of the wheels of this world, be wholly lifted up from the mire? There seems not much chance for it, in the old systems and programmes of the future, however well-intentioned and sincere; for with such systems, the thought of lifting them up seems almost as hopeless as that of growing the grape in Nova Zembla.”^{xiii} “Indeed, the bad things of their condition come under the head of those chronic evils which can only be ameliorated, it would seem, by ameliorating the moral organization of all civilization.”^{xiv} – (“Но можно ли моряков, являющихся одним из колес, движущих мир, полностью вытащить из грязи? Скорее всего, это маловероятно при старых системах и программах на будущее, хотя они и составлены из лучших побуждений и с чистыми помыслами, так как именно с такими системами мысль о том, чтобы вытащить их, кажется почти такой же безнадежной, как выращивание винограда на Новой Зембле”. “В действительности за их бедственным положением скрываются те общественные пороки, от которых можно избавиться, кажется, только усовершенствовав нравственную структуру всей цивилизации”).

Мелвилл – писатель-гуманист, он верит в человека и его безграничную силу. И как бы ни было пессимистично настроение его персонажей или трудно их положение, писатель почти всегда старается закончить свои размышления на оптимистической ноте. Например, Мелвилл (устаами Редберна) призывает не отчаиваться из-за бедственного положения моряков: “But we must not altogether despair for the sailor... yet we feel and we know that God is the true Father of all, and that none of his children are without the pale of his care”^{xv}. – (“Мы все не должны отчаиваться и терять веру в моряков, ведь мы чувствуем и знаем, что Господь – творец всевышний, и никто из его детей не будет обойден вниманием и заботой”).

Тема нищеты и социального неравенства пронизывает все произведение, но особую остроту она приобретает при описании Ливерпуля, где Редберн видит сотни оборванных, грязных, умирающих от голода людей, в том числе и детей. Поначалу его ужасает все: бездомные, подбирающие мусор в надежде найти еду; старухи, собирающие на улицах лохмотья, чтобы одеть себя и детей; нищие, молящие о подаянии в церквях и на улицах. Редберн противопоставляет Нью-Йорк Ливерпулю, однако очень скоро он осознает, что

Ливерпуль “очень похож на Нью-Йорк: точно такие же улицы, такие же ряды домов с каменными ступеньками, такие же тротуары и обочины и такая же обтрепанная, безжалостно смотрящая толпа, как везде” (“is very much such a place as New York: the same sort of streets pretty much; the same rows of houses with stone steps; the same kind of sidewalks and curbs; and the same elbowing, heartless-looking crowd as ever.”^{xvi})

Но то, что Редберн увидел на ливерпульской улице Лонселотс-Хей, по-настоящему шокирует его и является переломным моментом в его сознании. Собственное “я” уходит на второй план, происходит полное преодоление эгоистического “я” (ранее герой испытывал жалость к себе, его больше волновали предстоящие испытания и его дальнейшая судьба). Теперь окружающий мир воспринимается совсем по-другому: на смену романтическим иллюзиям и замкнутости в себе приходит реальное осознание окружающего мира и готовность самопожертвования во благо других. Реализация собственного “я”, поиски духовной гармонии видятся Редберну в практической, реальной помощи нуждающимся. Главный герой осознает себя частицей Вселенной, но человек больше не представляется ему изолированной частицей в космосе. Одновременно Редберн ощущает себя и частью реального бытия. Он считает, что не имеет морального права оставаться равнодушным к увиденному в трущобах Ливерпуля. Чужие страдания до глубины души затрагивают невинную душу юноши. Веллинбороу Редберн не просто искренне сочувствует, он начинает действовать, пытается оказать практическую помощь. Увидев умирающую от голода женщину с тремя детьми в подвале, словно похороненную заживо в склепе, главный герой полностью избавляется от оставшихся детских иллюзий и осознает всю жестокость реальной действительности.

Не менее шокирует Редберна и равнодушие окружающих. Когда он просит полицейского помочь умирающим от голода и болезней детям, тот находит предлог отказать, объясняя, что это якобы не его улица. Более того, жестоки и сами нищие, отощавшие, но еще способные передвигаться в поисках пищи: “She desarves it, that Betsey Jennings desarves it – was she ever married? tell me that”^{xvii}. – “Она заслуживает это, эта Бетси Дженнингс заслуживает это. Была она когда-нибудь замужем, скажите-ка мне?” - осуждает умирающую от голода женщину проходящая мимо старуха. Рыдания и вопли умирающих нисколько не трогают ее, так как повсюду она видит голод и смерть и привыкла к этому.

Редберн не находит сочувствия и у владельца магазина, и у доброй красавицы Мэри, жены трактирщика, и у поварах, которые пожалели для бедной женщины даже кружку воды. И тогда Веллинбороу вынужден был украсть кусок хлеба с сыром и, набрав в шляпу воды, поспешил к подвалу. Женщина уже почти не двигалась, а младенец на ее руках был мертв. Накормив двух оставшихся девочек, Веллинбороу размышлял об обществе и волчьих законах, которые в нем правят: “I well knew that the law, which would let them perish of themselves without giving them one cup of water, would spend a thousand pounds, if necessary, in convicting him who should so much as offer to relieve them from their miserable existence”^{xviii}. – (“Я хорошо знал, что закон, который позволил им умереть, лишив их даже кружки воды, потратил бы тысячу фунтов, если бы нужно было обвинить того, кто всего лишь предложил облегчить их ничтожное существование”).

Боль и отчаяние Редберна были столь велики, что он стоял у погребца и в оцепенении спрашивал сам себя: “...What right had any body in the wide world to smile and be glad, when sights like this were to be seen? It was enough to turn the heart to gall...”^{xix} – (“Какое право имеют люди во всем мире улыбаться и радоваться, когда можно увидеть такое? Этого вполне достаточно, чтобы озлобиться”).

Редберн страдает не только из-за увиденного, но и из-за того, что окружающие считают его сумасшедшим. Вместо помощи полицейский приказывает ему вернуться на корабль и “не совать нос в дела города”. Редберн не может примириться с равнодушием и жестокостью и недоумевает, почему они стали повсюду нормой жизни.

Таким образом, данный эпизод можно назвать психологическим центром книги, острота и сила которого подчеркиваются переломом в сознании Редберна: полным преодолением жалости к себе и избавлением от романтических иллюзий. Все личностные проблемы, на которых обычно концентрировали внимание романтики, оказались для главного героя ничтожными по сравнению с тем, что он увидел на Лонселотс-Хей.

Позиция Редберна по отношению к обездоленным резко отличается от позиции многих окружающих его людей. Его твердым убеждением стало непримиримое отношение к равнодушию, стремление изменить мир к лучшему. Основной психологический конфликт заключается в том, что главный герой не знает, как преобразовать мир. Сомнения Редберна – это поиски и сомнения самого автора. В момент написания романа Мелвилл находился в состоянии поиска критериев истины, добра и духовной гармонии. На примере судьбы Веллингбороу Редберна писатель показал духовный конфликт личности с обществом, выраженный в протесте главного героя против аморальных устоев общества и его невозможности изменить окружающий мир.

Пожалуй, о “Редберне” нельзя сказать, что это шедевр. Но на данном этапе творчества Мелвилл еще не созрел для грандиозного произведения. Впереди была поездка в Европу, оказавшая огромное влияние на мировоззрение писателя. По крупинке копился его литературный опыт и, наконец, вылился бурным потоком в произведение, которое считается классикой мировой литературы, – “Моби Дик”. И “Редберн” сыграл свою роль “созидательного кирпичика”. Созданное Мелвиллом за короткий срок и недооцененное самим автором произведение является еще одним доказательством гениальности писателя. Роман сочетает в себе такие достоинства, как реалистичность, острота проблематики, тонкий юмор, которые прекрасно сочетаются с увлекательным романтическим сюжетом и символикой.

В американской литературе Мелвилл явился новатором, так как впервые сделал в своих произведениях попытку синтезировать миф и реальность. И все же Мелвилл изображал действительность преимущественно романтическим методом. Использование обобщенных образов, символических контрастов и параллелей, двойственность восприятия действительности, выбор внутреннего диалога как способа самоопределения личности, персонификация зла свидетельствуют о преобладании в сознании автора мифологического мышления. Его герои являются в основном носителями прелогического мышления.

Синтетизм – это результат гармоничного сочетания мифологических и реалистических тенденций в творчестве писателя. “Редберн” - яркий пример синтеза романа-путешествия, романа-воспитания и социального романа.

Мелвилл опередил своих современников, показав, как в рамках романтического повествования на определенных его отрезках зарождалась возможность и необходимость реалистически изображать действительность.

ⁱ Павлова Е.В. Философская проблематика романа Г. Мелвилла “Редберн” // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. - № 5.

ⁱⁱ Melville H. The letters / Ed. by Merrell, R.Davis and W.H.Gilman. - New Haven: Yale university press, 1960.

³ Здесь и далее перевод Е.В. Павловой.

^{iv} Melville H. The letters. – P. 91.

^v Ibid.

^{vi} Bowen M. Redburn and the angle vision // Modern Philology. – Chicago, 1954. – N52. (Nov.). -P.100 – 109.

^{vii} Melville H. The letters. – P. 91.

^{viii} Ibid.

^{ix} Ibid.

^x Melville H. The letters. – P.93.

^{xi} Melville H. Redburn: His First Voyage / Collected edition: in 3 v. – N.Y.: Northwestern University Press, 1983. - V.II. – P.153

^{xii} Op. cit. – С.152.

^{xiii} Op. cit. – С.154.

^{xiv} Op. cit. – С.153.

^{xv} Op. cit. – С.154.

^{xvi} Op. cit. – С.202.

^{xvii} Op. cit. – С.200.

^{xviii} Op. cit. – С.203.

^{xix} Op. cit. – С.200.